

холма у развилки двух дорог разъезжались в разные стороны две кавалькады. Луна на небе заливала ярким светом каменистую дорогу, по которой ехали всадники, гигантский холм, оставшийся позади, гребни гор вдали. Со стороны холма слышалось жалобное квохтание птички кеклик.

– Госпожа, Вы плачете? – прошептала Хадиджа, подъезжая на рыжей кобылке к белому скауну, на котором

ехала, опустив голову, Мехри-бану. На лице её блестели слёзы.

– Да, Хадиджа, я плачу, потому что, может, в последний раз видела человека, которого сильно любила. И в следующий раз мы встретимся с ним лишь в раю.

Мехри-бану помолчала и добавила шепотом:

– Но в раю мы будем не людьми, ангелами. А ангелы не обнимаются.

«За родинку ТВОЮ ОТДАМ Я...»

В ЗОЛОТОЙ осенний день на оживлённой улочке маленького городка неподалёку от Канн – места, где проходят знаменитые кинофестивали, в уютном кафе «Чай по-восточному» за столиком у окна сидел элегантно одетый мужчина с проседью в густых чёрных волосах. Он походил на кинозвезду – Алена Дело-на, но узкий разрез глаз и выступающие скулы выдавали в нём уроженца Центральной Азии. Мужчина маленькими глотками пил зелёный чай. На блюде перед ним лежала свежее выпеченная лепёшка, в вазочке изюм и орешки.

Вдруг мужчина удивлённо вскинул глаза, приподнялся... В кафе вошла дама в шуршащем плаще, в узорчатом платке, лицо у неё было привлекательное, с крошечной родинкой на левой щеке, взгляд спокойный, доброжела-

тельный, на вид ей можно было дать немногим больше пятидесяти лет.

– Зухра! Ты? – Мужчина с радостной улыбкой устремился к ней, повёл к своему столику. – Пожалуйста, садись, сколько же мы не виделись!

– Салям, Тахир! Не виделись целую вечность...

– Как ты здесь очутилась?

– Внучка учится в колледже для одарённых детей, она получила грант. Я прибыла с ней. А ты как здесь?

– Приехал в издательство, хотят переводить мою книгу.

– Какую?

– Про Джалаладдина Руми.

Женщина покачала головой:

– Эту я ещё не читала.

– Я написал её лет пять назад.

– А мы не виделись десять...

Женщина взглянула в глубину кафе, на стене там висел бордовый ковёр с восточным орнаментом.

— Уютно здесь, да? Даже ковёр, как в чайхане. Я захожу сюда иногда...

Мужчина, улыбаясь, смотрел ей в лицо.

— А в вашем доме висел палас из Шахрисябза, я помню. Толстый такой. По жёлтому полю красные и зелёные узоры... А помнишь нашу улочку в Бухаре, возле Лаби-хауза, где играли с ребятами допоздна? Ты тогда носила розовое платье и безрукавку вишнёвого цвета. И у тебя было сто косичек...

— Не сто, всего двенадцать. Да, помню, ты меня всегда защищал. Особенно, когда на площадь приходил этот драчун Дурды...

— А помнишь, как встретились в Ташкенте? Тогда ты, кажется, училась в Училище искусств...

— Да, а тебя тогда впервые напечатали в Москве, в толстом журнале. Ты мне подарил номер журнала со своим рассказом...

— Помню, — ты сказала, что собираешься замуж за Рустама с архитектурного...

Зухра пожала плечами:

— Ты признался, что женился на девушке Тане со своего курса, вот я и придумала про Рустама...

— Так ты не вышла за него?

— Нет, уехала учиться в Москву.

— И я потом жил в Москве. Если бы знал, что ты там...

Мужчина разволновался. Подозвал официанта, заказал рюмку коньяку, ещё чая. Стал щуриться, будто вглядывался куда-то далеко-далеко вдаль.

— Встретила тут знакомых, — сказала Зухра.

— Кого?

— Помнишь Турсуна из Хивы? Художник... Рисовал сказочных птиц, мчащихся лошадей, газелей с девичьими глазами...

— Да, помню. Так он здесь?

— У него была выставка в Париже, месяц назад. Теперь уехал на родину.

— А я встретил Болота, из Киргизии.

Говорит, что хочет найти издателя для своих философских эссе. Но выглядит усталым, кажется, со здоровьем неважно. Сказал, что писателей в Киргизии почти не осталось, все уехали...

Мужчина выпил рюмку, посмотрел на женщину.

— Тебе коньяк не предлагаю, помню — ты не пьёшь спиртного. Но раз я всё-таки заставил тебя выпить, помнишь?

Женщина удивлённо подняла брови.

— Когда это было?

Мужчина засмеялся. — В десятом классе нас повезли на экскурсию в Хиву, ты отстала от группы, отправилась гулять одна и исчезла. Оказывается, провалилась в древний колодец возле медресе Абдулазиз-хана. Тебя нашли вечером, это я нашёл, увидел в глубине колодца твою золотистую тюбетейку, вытащил и привёл в гостиницу. Ты дрожала от холода. Я пошёл в буфет, купил коньяк. Тогда его держали для иностранных туристов. Заставил тебя выпить немного, ты согрелась и уснула. И на следующий день была совершенно здорова. Неужели ты этого не помнишь?

Женщина улыбнулась:

— Ты пересказываешь эпизод из своей книги «Первая любовь» про бухарского мальчика Гани и девочку Кумри. Я читала книжку, понравилась. Там улочка похожа на нашу. И кошку персидскую, которая была у соседки Рано, ты описал точно. Но героиню звали не Зухрой, а Кумри, она у тебя капризная, а я не такая.

Мужчина засмеялся:

— Может, ещё скажешь, что не мы встречались с тобой в сентябре 70-го в Отраре, не мы гуляли по древним пыльным раскопкам, нашли старинное бронзовое блюдо, не я признался тебе в любви, даже прочёл строчку из Хафиза*?

За родинку твою отдам я
И Самарканд, и Бухару...

* Хафиз Ширази — персидский поэт и суфийский шейх.

Зухра улыбнулась:

– В 70-м году ты был женат уже не на Тане, а на Гульназ, жил снова в Ташкенте, ездил за границу, работал в правительственной газете. Фархад мне рассказывал о тебе. А эпизод в Отраре описан тобой в книжке «На древних развалинах». Героя звали Рашид, девушку из археологической группы – Юндуз. Там у тебя ещё описаны видения из времён эмира Тимура. Будто Рашиду снились они по ночам.

– Так ты читала эту книгу?

– Исторические книги тогда продавались во всех магазинах, тираж книг был огромный. Людям хотелось узнать древнюю историю, пусть даже вымышленную. С упоением читали «Согдиану» Явдата Ильясова, роман Яна «Батый», твои книги.

– Неужели ты не веришь, что я писал именно о тебе? Ты была для меня лучшей девушкой на свете! Я всегда помнил о тебе. Даже когда писал фантастическую повесть «Встречи на Чулпан-звезде». Просто ты уехала после школы в Ташкент, а я в Москву... «Встречи на Чулпан-звезде» читала? Героиня – вылитая ты.

Зухра засмеялась:

– Ну да, у тебя там девушка Эйя, у неё изумрудные глаза в пол-лица, голубые волосы, и она может исчезать и появляться из воздуха. А герой – его ты назвал Тарх – тоже может исчезать, появляться и удерживать рукой падающие метеориты. Считаешь, что в этих героях можно узнать тебя и меня?

– По крайней мере, я представлял именно тебя, когда писал Эйю. Внешность не имеет значения.

Зухра задумчиво смотрела на взволнованного Тахира.

– Я вспомнила ещё одну твою повесть – «На караванных путях». Там у тебя семидесятилетний эмир Салях бежит с верными людьми из своей страны, его старший сын захватил трон и приказал бросить отца в тюрьму. Эмир Салях встречает на пустынном перекрёстке богатый караван султанши Мехри-бану,

она едет с внуками и свитой в свою зимнюю резиденцию к священному озеру. Салях предстаёт перед ней в грязной одежде, истерзанный бессонной ночью в пути, к тому же под ним только что пала лошадь. Нет былого могущества, богатства, славы. Мехри-бану, вспомнив их былую дружбу в детстве, дарит Саляху отборных лошадей, тёплую одежду и разрешает поселиться в уединённой крепости на краю своего султаната, там его никто не побеспокоит. С кого ты списывал этих героев, Тахир?

Тахир, улыбаясь:

– Не догадываешься? Ты всегда была щедрой с друзьями! Помню, в пятом классе я потерял портфель, ты попросила у своей матери деньги, и мы купили мне новый портфель, сказали, что это подарок к моему дню рождения!

Помолчали.

– Скажи, а как твой старший сын, Камрун? – спросила Зухра. – Ему, кажется, сделали операцию? Фархад говорил, что вы съездили в Германию, Камруну сделали операцию, прошла удачно.

– Да, он уже выписался, работает. Но врачи предупредили – могут быть рецидивы.

– Камрун навещает вас?

– Редко. Только, когда Гульназ серьёзно заболела. Но теперь всё нормально, она поправилась. А Сария-ханум, твоя мама, жива?

– Умерла, три года назад, на моих руках.

– Светлая ей память, пусть земля ей будет пухом. Наверное, душа её в раю. Она была такой доброй! И ко мне относилась неплохо.

– Ну да, ты же всегда задаривал её халвой. Она всё удивлялась: «Откуда Тахир каждый день находит деньги на халву?»

– Я после уроков продавал лепёшки на базаре. И помогал отцу лепить глиняные горшки. На халву мог зарабатывать. Я тогда был жутко влюблён в тебя, правда-правда! По вечерам приходил к

вашему дому, чтобы услышать, как ты разговариваешь с Сариёй-ханум. Вы ведь спали не в доме, а во дворе, на айване. Один раз порезал себе вены на руке, когда ты стала дружить с Мансуром...

На глазах мужчины заблестели слёзы.

– Ты плачешь? – Зухра с изумлением смотрела на него.

Протянула руку и погладила рукав его пиджака.

Мужчина сжал её пальцы, встряхнул головой:

– Извини, разволновался. Но я очень скучаю по тому времени, когда мы жили на нашей улочке. Тогда жизнь казалась мне бесконечной. Вот увидел тебя и всё вспомнил. И потом... ты такая красавица! Совсем не изменилась.

– А как ваши внуки? Кажется, их пятеро?

– Да. Они далеко. Камрун живёт в Германии, Рашид – в Москве, внуки – с ними. Гульназ ездит к ним, сейчас трудно найти надёжную няню... Гульназ уезжает, а я остаюсь дома один. Это тяжело. Силы мои, чувствую, кончаются. Наверное, больше не напишу ничего нового. Хорошо хоть, стали переводить мои книги...

Зухра, опустив глаза, слушала мужчину. Потом улыбнулась и сказала твёрдым голосом:

– А я уверена, что напишешь новую книгу. Ты талантливый человек, мама всегда это говорила. Может, задумаешь историческую повесть времён хана Улугбека, когда строили астрономическую обсерваторию, при дворе жили поэты, учёные, философы... Об этом времени уже писали другие, но ты напишешь по-своему. Будешь пользоваться архивными документами, их сейчас публикуют много...

Глаза Тахира ожили, он приподнялся на стуле, мечтательным голосом произнёс:

– Да, я напишу про последнюю любовь хана Улугбека. Про красавицу-тюрчанку с родинкой на левой щеке...

Зухра продолжала с воодушевлением:

– Ты можешь продолжить и космические романы, они у тебя получались необычными. Опишешь будущее Земли, время, когда жители её научатся жить по 700 лет, победят болезни – атеросклероз, болезнь Альцгеймера, рак, когда, наконец, перестанут воевать друг с другом... Или в поисках новых знаний устремятся в новые просторы Вселенной...

Тахир порывисто сжал руку Зухры.

– Джаным, ты всегда помогала мне! И сейчас помогаешь. Я чувствую, что могу написать что-то новое. Лишь бы ты была рядом. Как здорово, что мы встретились! Послушай, тут неподалёку есть ресторанчик, там вкусно готовят... Пойдём, посидим, вспомним ещё что-нибудь из нашей той жизни... Я очень люблю тебя, Зухра! Будто и не было этих долгих лет разлуки...

Зухра задумчиво смотрела на Тахира.

– Посмотри в окно, – мягко сказала она. – Видишь девушку с оранжевым шарфом на шее, пересекает улицу, идёт сюда... Это моя внучка, Лейла. Мы договорились с ней встретиться, пойти вместе в колледж. Мне пора.

Тахир повернулся к окну, увидел на улице девушку, стремительно переходящую дорогу.

– Твоя внучка? Красавица! Почти такая, как ты. Но ты была лучше!

Зухра коснулась рукава его пиджака и зашагала к двери.

Тахир кинулся за ней, придержал за локоть.

– Но как мне тебя найти? Когда мы снова увидимся?

Зухра замерла на мгновение, потом сказала, улыбаясь:

– Мы встретимся с тобой на Чулпан-звезде. Или на другой. Ты напишешь, на какой, и я обязательно прочту твою новую книгу. До свиданья, дорогой!

И выскользнула за дверь.

Тахир с грустью смотрел ей вслед. Подошёл к окну. Увидел, как Зухра и девушка с шарфом на шее встретились на тротуаре, обнялись и, оживлённо переговариваясь, зашагали по улочке и скоро исчезли из вида.

Он вернулся к столику. Подошёл невозмутимый официант.

– Чего-нибудь ещё?

Тахир устало махнул рукой:

– Ничего не надо. Впрочем, принесите ещё коньяку, чёрный кофе и бумагу.

– Бумагу? – переспросил официант.

– Да, несколько листов. Мне нужно кое-что записать.

Официант кивнул и ушёл.

Тахир уселся поудобнее, вытащил из кармана пиджака ручку, положил на столик и замер с рассеянной улыбкой на лице. Потом стал смотреть в окно, на освещённую золотым светом улочку. Там минуту назад стояла не очень юная женщина в шуршащем светлом плаще, в узорчатом платке. Тахир прошептал:

За родинку твою отдам я
И Самарканд, и Бухару...

